

Н. ЯКОВЛЕВ

ГОР ВИДАЛ И ААРОН БЭРР

В № 7 нашего журнала мы начали печатать исторический роман видного американского писателя Гора Видала «Бэrr» произведение, сложное по содержанию и по форме и поднимающее ряд важных вопросов оценки современными писателями США истории своей страны. Естественно, что прочтение романа едва ли может быть однозначным. Спорность ряда авторских утверждений при всем праве художника на интерпретацию явлений, представляется самоочевидной. Продолжая публикацию «Бэrrа», мы предлагаем вниманию читателя статью профессора Н. Н. Яковлева, специалиста по американской истории, в частности, по тому ее периоду, о котором идет речь в романе.

Один из императивов издательского дела на Западе — помещать на суперобложке или первых страницах новой книги резюме рецензий и отзывов о ней. Конечно, только положительных. Так по установившейся традиции и в понятных рекламных целях открывается исторический роман американского писателя Гора Видала «Бэrr», впервые увидевший свет в ноябре 1973 года и выдержавший массу переизданий. Критики нашли книгу превосходной во многих отношениях. А провинциальная «Денвер пост» даже заключила: «Несомненно, лучшая из книг Видала». Основное достоинство ее, по мнению американской критики, — величайшая политическая злободневность. Как сказано в «Нью-таймс»: «Прекрасное, своевременное лекарство для любого гражданина, впавшего в уныние при виде нынешнего зрелища — низких людей на высоких постах». Оно и понятно — «Бэrr» вступил на книжный рынок в то время, когда начал раскручиваться маховик Уотергейта.

«Нью-Йорк таймс бук ревью», обычно делающий погоду в оценке новых произведений, не счел возможным однозначно от-

нести к книге. Журнал напечатал в номере от 28 октября 1973 года две полярно противоположные рецензии. Случай редкий, обнаруживший порядочное разномыслие по поводу написанного Видалом. Авторы затеяли академический спор о принципиальном значении исторического романа, ограниченный как рамками понимания ими проблемы, так и количеством строк, отводимых для рецензий. Д. Дангервилл нашел, что Видал злоупотребляет «выдумкой» и просто-напросто фантазирует. Д. Леонард, взявший писателя под защиту, не согласился с точкой зрения, что «творческое воображение историка и романиста рознятся, как яблоко и апельсин, они не могут одновременно произрастать на древе одной книги». Не переводя дыхания, защитник тут же показал, почему это неверно: «Сантаяна заметил, что «Шекспир был лучшим психологом, чем Кант или Локк». Правильно. Но Шекспир был самым плохим историком из всех писавших об английских королях. Однако большинство из нас скорее пошла бы пировать с шекспировскими Генрихами, чем с подлинными королями». Видал, идущий,

по мнению Леонарда, по стопам Шекспира, прав.

Как фактическая сторона, так и убедительность этих аргументов очень сомнительны. Что до исторической достоверности трагедий Шекспира, то советский профессор М. А. Барг пришел к противоположным выводам. Свою книгу «Шекспир и история» (1976) он закончил энергично: «Нет более глубокого и тонкого знатока этого мира (средневековой Англии.—Н. Я.), более надежного руководителя для тех, кто стремится его познать, чем Вильям Шекспир» Но о Шекспире — между прочим, как иллюстрация научного качества описанного спора. Главное же в том, что произведение исторического писателя отличается от труда профессионального историка. Об этом и шел необходимым напомнить Видал в послесловии к роману — оно, как будет иметь возможность убедиться читатель, невелико по размеру, но чрезвычайно важно для понимания произведения и позиции автора.

При оценке «Бэрра» нельзя также упускать из виду функциональную роль исторического романа вообще. Жанр этот тесно связан с открытым еще древними дидактическим значением истории. Верно подмечено, что полночь — лучший час для вылета музы истории, которая, как сова Минервы, пускается в путь с двенадцатым ударом часов. Придворные историки далекого прошлого знали, когда наступит этот «звездный час», и оттачивали к нему свои гусиные перья. Чем хуже шли дела в настоящем, тем неудержимее становился порыв почерпнуть оптимизм на будущее в прошлом. Под неистовыми перьями оно идеализировалось и преображалось, укрепляя уверенность тех, кто заказывал или ждал исторических сочинений — безразлично профессиональных исследователей или романов, — в том, что они наследники надежного дела.

Лакировка прошлого, впрочем, путь очень прямолинейный и не всегда эффективный. Иной раз куда более полезен пессимистический взгляд назад. По мнению некоторых американских критиков, Видал и выступил в роли такого историка-романиста. Своей книгой писатель напомнил стране, переживающей ныне слишком хорошо известный кризис духа — Уотергейт и многое другое, — о ее прошлом. С помощью своего героя, Аарона Бэрра, видного деятеля времен Войны за независимость (1775—1783 гг.), человека авантюристического склада характера, Видал снял предохранитель с пишущей машинки и мрачно, ядовито изобразил социальные язвы, обезобразившие лицо юных Соединенных Штатов. Значит, драгоценные соотечественники, не расходуйте нервной энергии зря и не впадайте в отчаяние, то, что вы видите, — неизбежные издержки нашего строя. Они были, есть и будут, они — веки в процессе развития. Таково, по мнению этих критиков, в самом кратком изложении послание писателя своей родине. То, что Видал выступает в роли беспощадного разоблачителя и при этом в какой-

то мере сводит также личные счеты с Америкой, — вопрос особый.

Гор Видал родился в 1925 году в семье преподавателя военной академии Вест-Пойнт. В детские и юношеские годы на него, вероятно, оказал наибольшее влияние дед по линии матери. Ослепнув в одиннадцать лет, дед тем не менее сделал политическую карьеру, стал сенатором от штата Оклахома. Будущий писатель провел годы и годы в его доме, читая слепцу протоколы конгресса, газеты, политическую литературу, а в Вашингтоне нередко служил поваром. Юношей Видал сменил свое имя Юджин на имя деда — Гор и с тех пор известен как Гор Видал.

Второй, правда, непродолжительный, брак матери с состоятельным банкиром Очинглоссом (отдаленным потомком Бэрра) дал Видалу новых родственников. Расторгнув брак с его матерью, Очинглосс женился на мадам Бувье. У нее была дочь-подросток, будущая Жаклин Кеннеди. С некоторой натяжкой Гор доводится ей сводным братом.

Уже в средней школе — увлечение политикой, в которую ученики последних классов играли с азартом, учредив «сенат»: Гор серьезно чувствовал себя сенатором-изоляционистом; язвительные школьники отмечали, что его больше интересует поза, красивый поворот головы и изящные жесты, нежели существо дискуссии. За самолюбование, которое наложило отпечаток на рассказы и стихи Видала, опубликованные в школьном журнале, с беспощадностью молодости товарищи окрестили его прозвищем «лицемер». С 1943 года в годы войны, — служба на флоте, на унылом транспортном судне бороздившем воды у Алеутских островов. Там, на борту, он написал первый роман «Вилливо» в духе Хемингуэя — о войне. Демобилизация в 1946 году и шумная известность вышедшего тогда же романа.

Несомненный успех, компания молодых литературных гениев, презирающих систематическое образование, — ноги Видала не было в колледже. «Золотая молодежь» и скука. В 1948 году выходит «Город и Столп», роман о двух спортсменах-гомосексуалистах. Критики опешили: духовный нудизм в изящной словесности США был еще на подходе. «Нью-Йорк таймс» отказалась дать объявления о книге, оскорбляющей общественную нравственность, и — сомнительная известность заблудшего сына американской литературы. Шесть лет бесцветной жизни, без моральных ориентиров под крышей собственного очень дорогого дома. Ощутимые удары судьбы для молодого эстета, уже привыкшего жить на широкую ногу.

Видал пробует перо в новой области — пишет для телевидения. Успешно работает в Голливуде, создает сценарии и, наконец, пьесы. К романам он не испытывает большого интереса. Они овладевают почти исключительно его вниманием позднее, в шестидесятых годах, в частности, когда в

1968 году он снова обратился к сексу в «Майре Бреккенридж», но по большей части в юмористическом плане.

На рубеже пятидесятых и шестидесятых годов — резкий зигзаг в жизни процветающего писателя: он решил преуспеть и в политике. Его внезапно охватила политическая эйфория, оставившая после себя немало жертв. Родившийся на подступах и во время президентских выборов «стиль» Кеннеди Видал, подобно иным скорым на заключения интеллектуалам, принял за расцвет, если угодно, интеллигентности в американской политической жизни.

То, что это был ложный расцвет, писателю предстояло понять, и довольно скоро, а тогда он с головой окупнулся в политику под самыми, как ему казалось, благоприятными предзнаменованиями. Он был богат, молод — тридцать пять лет, — поддерживал изящный «образ» (от отточенных формулировок до наимоднейших галстука и прически), не забыл и без усталости напоминал другим о маститом деде-сенаторе, был, насколько позволял разрыв в возрасте, на короткой ноге с Элеонорой Рузвельт, наконец, доводился сводным братом Жаклин Кеннеди — все это в совокупности не делало его чужим при «дворе» Джона Фицджеральда Кеннеди. Вдохновляло и то, что написанная им мелодрама «Самый достойный» о закулисной борьбе во время выборов в 1960 году пошла с шумным успехом на Бродвее. Ей была суждена долгая сценическая жизнь — 520 представлений.

Видал, очевидно, уверовал, что нащупал нерв американской политической жизни, а посему в динамической и даже агрессивной манере провел кампанию по выборам в палату представителей конгресса США в 29-м округе штата Нью-Йорк. Он использовал все — от платформы демократической партии до личного участия в кампании именитых интеллектуалов — и тем не менее проиграл. Правда, статистика утешила: никогда, с выборов 1910 года, в этом округе, цитадели республиканцев, не отдавали столько голосов демократу, да и сам кандидат в президенты, Джон Кеннеди, собрал в нем меньше голосов, чем Видал, претендовавший только на место в палате представителей.

Хотя он и не оказался среди 435 конгрессменов, но довольно близко около власть имущих — был принят в Белом доме. При ближайшем рассмотрении обнаружилась громадная дистанция, отделявшая первосвященников политики — правителей страны от простого смертного Видала. Для равенства, пусть очень приблизительного, к человеку должен прилагаться пост. У Видала его не было: писательская слава не в счет. Он попытался, однако, держаться на равных. Как-то на ипподроме Видал уселся за чегой Кеннеди; пошутил — снайпер может без труда выстрелить в президента, но пуля наверняка срзит не Джона Кеннеди, а писателя. «Невелика потеря», — отозвался президент.

На приеме в Белом доме Видал по-братски положил руку на плечо Жаклин. Ми-

нистр юстиции Роберт Кеннеди в лучшем духе распорядителя балов феодального княжества резко одернул подданного, дерзнувшему коснуться рукой первой дамы великой республики. Последовал обмен оскорбительными (с обеих сторон) репликами, и Видала навсегда изгнали из Белого дома. Это глубоко травмировало литератора, и шрамы от происшедшего легли не только на самолюбие, но легко различимы, стоит прочитать любые страницы книг Видала, посвященные американским политическим нравам. Оскоминая от американской политики — отныне неотъемлемая черта его творческого почерка.

Клану Кеннеди он быстро и эффективно отомстил доступным оружием — пером. Сентенции его прозвучали очень громко и вызвали профессиональный интерес историков, занимающихся Соединенными Штатами. Мне самому в книжке «Преступившие грань» довелось писать в конце шестидесятых годов: «Весной 1963 года драматург Г. Видал представил на суд читающей публики свою оценку Роберта: «Нет никакого сомнения, что, когда в 1968 году Бобби предстанет перед конвентом, он прекрасно подойдет». Но, предупреждал Видал, «потребуется гений пропаганды, чтобы представить кандидата приятным человеком. Он не таков. Его самые примечательные качества — энергия, мстительность, прямолинейность в оценке мотивов поведения людей — могут привести к падению. Бобби видит мир только в белых и черных красках. Они и Мы. Он совершенно не обладает качествами брата — легкостью в обращении с людьми и умением очаровывать». По словам Видала, Роберт Кеннеди «окажется опасно-авторитарно настроенным президентом». В заключение он процитировал соратника Р. Кеннеди по государственной службе, который заявил: «Дело не в том, что Бобби против гражданских свобод. Он просто не знает, что это такое».

С тех пор много воды утекло под мостами Тибра в Риме, где с 1963 года живет подавляющую часть времени американский писатель Гор Видал. Были убиты Джон и Роберт Кеннеди, но Видал не меняет своих оценок, хотя они звучат далеким эхом его теперь полузабытых филиппик в адрес клана Кеннеди. Личная вендетта без конца...

Безуспешная попытка проникнуть в Капитолий, горький политический опыт (хотя Видал балуется участием в американской политике и по сей день) подарили миру писателя с обостренным интересом именно к политическим делам США. Во всяком случае, это избавило его от эвентуальной, но оттого не менее страшной, опасности, которую он хотел навлечь на себя. Видал любит повторять без тени юмора: «Единственное, чего бы я действительно хотел в жизни, — стать президентом США». К слову — этого же хотел и Аарон Бэrr, достигший лишь поста вице-президента в первый срок пре-

Н. ЯКОВЛЕВ
ГОР ВИДАЛ И ААРОН БЭRR

зидентства Т. Джефферсона. Коль скоро Видала не пустили в профессиональные политики, он занялся исследованием интересующего феномена — функционирования политического механизма в США — со стороны.

Результаты разысканий Видала, по словам журнала «Тайм», поместившего 1 марта 1976 года обзорную статью о его творчестве, малоутешительны: «Его политические эссе (метко названные: «Размышления на тонущем корабле». — Н. Я.) не написаны, а вытравлены кислотой. Он постоянно поносит, хотя и непоследовательно, американских избирателей за то, что они слишком глупы, чтобы избрать должных лидеров, а капиталистическую олигархию — за систематический обман простого люда...» Тем не менее он все еще надеется, вопреки самой надежде, лично присутствуя на предвыборных съездах демократической партии: «Как может писатель отказаться от фантазии: съезд безнадежно зашел в тупик, внезапное пробуждение делегатов, восстание здравого смысла, приглушенные голоса переходят в рев, который не вбить в рамки и молотком председательствующего. В свете юпитеров из леса микрофонов, наконец, выступает Самый достойный. Это, однако, мираж в иссушенной политической пустыне».

Как заметил Видал о выборах 1976 года: «Безразлично, кого выберут. Не работает сама система. Наши выборы — дорогостоящая общественная парад для прославления владельцев страны».

Как это случилось, как дошла Америка до жизни такой? Быть может, нынешние порядки были изначально запрограммированы в политической модели, по которой создавались и существуют США? Что «опасно-авторитарные» тенденции, обнаруженные Видалом у колоритного представителя клана Кеннеди, Роберта Кеннеди, — только семейное достоиние или становой хребет США, прикрытый пухлой плотью американской «демократии»? По всей вероятности, по мере творческого возмужания Видал стал задаваться этими вопросами и попытался ответить на них в трилогии, первый том которой — «Бэрр» увидел свет через шесть лет после третьего — «Вашингтон, округ Колумбия»¹ (о современных политических нравах в США), а последний по времени выхода, но второй в трилогии, «1876 год», появился по весне 1976 года.

Хронология понятна в свете еще не отшумевшей кампании по празднованию 200-летнего юбилея страны: Соединенные Штаты на заре национальной истории, через 100 лет и в канун вступления в третий век своего существования. Логика изложения не менее ясна — в конце XVIII столетия в Америке завязались узлы, которые не развязать и по сей день. Взгляд с высоты сегодняшнего дня, по замыслу Видала, поучителен в том отношении, что можно — с известным трудом — указать: современные тенденции американской политической жизни

и сопутствующие им нравы если полностью не обозначились, то были показаны четко различными пунктиром уже в те времена, когда отцы-основатели США были молоды.

Для этого требовалось выстроить исторические факты в порядке, отвечающем творческому замыслу Видала. Пострадала ли при этом история и если да, то каковы размеры ущерба, нанесенного вторжением романиста в сферу, являющуюся монопольным достоянием штатных служащих Кляно?

Видал начал с того, что создал вымышленного героя — журналиста Чарли Скайлера — и отправил его осветить самый темный угол прославленного в американской истории треугольника: Джефферсон—Гамильтон—Бэрр. Руками Скайлера Видал перекопал вековые наслоения в том углу и из них вылепил в чем-то неожиданный для историка и в высшей степени противоречивый образ Бэрра. В художественном отношении успех несомненный.

Видаловский Бэрр вместе со Скайлером бросает ретроспективный взгляд на американскую политическую жизнь 200—150-летней давности. Здесь кончается вымысел писателя и начинается работа исследователя. Сообщаемое Видалом достоверно, и если есть отступления, то они, по крайней мере, весьма правдоподобны, во всяком случае, восполняют пробелы, оставленные историками по нехватке материала. Уместно ли это, да и сама манера изложения, когда нить повествования разматывается отнюдь не последовательно? Применительно к реконструкции Бэрра не только уместно, но, вероятно, это единственно возможный образ действия.

В отличие от Джефферсона и Гамильтона, литературное наследие Бэрра близко к нулю (дневник и считанные сохранившиеся письма к обоим Теодосиям, жене и дочери, не в счет). Но если бы на старости он взялся за мемуары, то, несомненно, предвосхитил бы Видала, ибо, как заметил Бэрр в письме младшей Теодосии, есть два способа рассказывать: «Один — начинать с самого давнего события и постепенно приближаться к концу. Так обычно поступают философы и историки. Другой — начинать от самых последних событий... как всегда делают влюбленные и поэты. Я могу даже сослаться на Гомера и Вергилия в пользу второго способа...»

По этим соображениям Видал и избрал рекомендованный Бэрром второй способ. Преимущество его налицо. О штормовых годах Войны за независимость и основания Соединенных Штатов рассказывает не юнец офицер, а умудренный и удрученный жизненным опытом старик, пребывающий, конечно по воле писателя, в твердой памяти. Бэрр бойко растолковывает новейшую концепцию Войны за независимость США, которая сложилась в американской историографии в начале второй половины XX века и которую там называют «ревизионистской». В некоторых отношениях она бли-

¹ Роман опубликован в «Иностранной литературе» № 11, 12 за 1968 г.

же к истине, нежели благостные легенды и отработанная мифология о прошлом страны, против которой восстал отнюдь не один Видал, а немало речистых, хотя и уступающих ему в юморе историков.

В Соединенных Штатах под термином «ревизионизм» имеется в виду своего рода пересмотр, с основаниями или без оных, ставшей уже обывденной мудрости, точнее — демифологизация американской истории. Вслед за всеми войнами, которые вела страна, начиная от борьбы за независимость, включая обе мировые и Вьетнам, в общине американских историков возникло «ревизионистское» направление, порой задним числом отстаивавшее аргументацию противников данной войны, объявлявшее ушедший в прошлое очередной вооруженный конфликт ненужным. Это доказывалось с различной степенью страстности и убедительности; как и у каждой волны, у «демифологизации» был свой гребень, на котором возвышались самые одержимые в своих построениях.

С точки зрения типологии американского «ревизионизма» взгляды, вложенные Видалом в уста Бэрра, вероятно, принадлежат умеренному иконоборцу. В романе очень сдержанно ставится под сомнение неизбежность той войны, но не оставлено сомнение: руководители восставших колоний подняли оружие против метрополии не в интересах абстрактной и прекрасной свободы, а руководствуясь очень земными, по большей части меркантильными, соображениями. На бой с королевской ратью посылал не ясноглазый Идеалист, а Собственный, защищающий неприкосновенность своих денежных сундуков, плантаций и рабов от поплзновений, пусть слабых, заокеанских любителей пожитья за американский счет.

Отсюда очень заземленные образы хрестоматийных героев, им всем крепко досталось, начиная от воителя Вашингтона и кончая философом Джефферсоном. Реакция специалистов на откровения романа в этом отношении не пойдет вместе с тем дальше восклицания: «Ага, мы это знали!» — причем без малейшего удивления. Шока не последует. Так было.

Недаром в послесловии к роману Видал подчеркнул, что он «старался придерживаться известных фактов», но вместе с тем отметил, что для него «привлекательность исторического романа заключается в том, что можно быть скрупулезным (или беззаботным), подобно историку, однако сохранить за собой право не только перемещать события, но, что гораздо важнее, мотивировать поступки, — а добросовестный историк никогда себе этого не позволит».

Таким образом, факты, события, имеющие место в книге Видала, исторически верны, но самый их выбор, мотивировка поступков героев, их нравственная, психологическая сторона — на совести автора или, вернее, на совести главного его героя, которому писатель по большей части передоверяет повествование: роман построен как автобиография Бэрра. В этом же после-

словии Видал говорит: «В общем и целом, о Джефферсоне я гораздо более высокого мнения, чем Бэрр; с другой стороны, я не разделяю пристрастия последнего к Джексону». И далее: «Хотя роман написан с точки зрения Бэрра, рассказанное в нем — история, а не выдумка». Как видим, взаимоотношения Видала и Бэрра отнюдь не просты, при случае они позволяют автору установить определенную дистанцию между собою и своим героем. Видал подобрал нужные ему факты и переставил акценты, показав прежде всего то, что на заре американской истории было отнюдь не возвышенным. Небесполезное напоминание для тех, кто ужасался, полагая, что Уотергейт обнажил разрыв связи времен в стране «бога и моей». Нет, ответил Видал «Бэрром», так было, так будет. Изучайте отечественную историю!

И не потому ли автор романа отходит от канонов американской традиционной историографии и рисует американскую буржуазную революцию и отпов этой революции в виде, далеком от хрестоматийных представлений своих соотечественников?

Итак, повторяю, если говорить о достоверности каждого события Войны за независимость, изображенной в романе, то оно сомнений не вызывает, хотя не обошлось без промахов. Вашингтон не был бедняком, вступая в брак с Мартой, а она не обладала богатейшим состоянием в Виргинии. Едва ли можно согласиться с тем, что, если бы не ошибки американцев, к стати преувеличенные, в сражении при Монмусе «англичане были бы уничтожены». Напрасно пытается Видал спасти репутацию Бендикта Арнольда и реноме генерала Ли. Неточна характеристика пятитомной биографии Вашингтона, написанной Д. Маршаллом: «Потребовался целый том, чтобы его герой... только появился на свет». Педантичный верховный судья и не думал посвящать первый том Вашингтону, а почитал его «вводным», дав обзор истории Америки со времен Колумба. Эти и иные погрешности простительны у писателя, не наделенного смирением профессионального исследователя.

Все это, однако, меркнет перед тем, что Видал почувствовал дух эпохи и передал его — война без героики. Роман — диалог с нынешними американцами, оплакивающими то, что они-де стали отнюдь не похожи на суровых и воинственных предков. Видал напоминает, что полководцы войны, в огне которой родились Соединенные Штаты, лучше считали за конторскими столами и более искусно владели пером, нежели шпагой. Устами Бэрра очень реалистически сказано о тех причинах победы США над Англией, о которых обычно умалчивают в американских патриотических сочинениях. К исходу войны армию США «почти полностью распустив из-за безденежья и таинственной веры конгресса в победу, которую

Н. ЯКОВЛЕВ
ГОР ВИДАЛ И ААРОН БЭРР

якобы должен был нам неизбежно принести один лишь союз с Францией... В каком-то смысле конгресс оказался прав. Французы и в самом деле победили за нас англичан. Без них мы, конечно, так и остались бы английской колонией, мы давно уже забыли об этом грустном факте, точно так же как и ныне пытаемся выкинуть из памяти, с какой легкостью небольшому английскому отряду удалось выгнать из Белого дома президента Мэдисона и поджечь город Вашингтон. (В августе 1814 года во время англо-американской войны 1812—1814 гг.— Н. Я.). К счастью, наш народ всегда предпочитал легенду действительности».

И все же, деканонизируя традиционных героев американской истории, особенно президентов виргинской династии от Дж. Вашингтона до Дж. Монро — или, как Бэрр именовал их, «хунты», романист в чем-то увлекся. Они действительно приступили к строительству американской империи, но отнюдь не всегда ожидали сиюминутного личного материального вознаграждения за свои труды. Что дело обстояло именно так, подтверждают хотя бы lamentации Бэрра по поводу того, что немало отцов-основателей окончили свою жизнь если не буквально в нищете, то в стесненных обстоятельствах. Джефферсон тому выдающийся пример. Побудительным мотивом их деятельности помимо прочего было стремление к славе, почитанию потомками.

Знаток американской истории этого периода, профессор Дуглас Адэр в серии впечатляющих статей, объединенных заголовком «Слава и отцы-основатели» (книга увидела свет в 1975 году), с большим тактом обошелся с памятью об отцах-основателях, но все же предложил припомнить прошлое. До 1776 года те, кто основал США, уже законодательствовали, но поле их деятельности было ограничено: «свиноводство, клеймение скота или маркировка сортов злаков» С началом Войны за независимость они вообразили, что открывают новую, если не самую великую, главу в истории мира. Их охватила «почти болезненная жажда славы. Их невероятно заботило суждение потомков. А поскольку они лихорадочно думали о том, какую память они оставят о себе миру, то «любовь к славе, эта господствующая страсть благородных умов», говоря словами Александра Гамильтона, стала палкой, повинуясь которой иные из них поступали с таким благородством и величием, что никак нельзя было ожидать, если судить по их прошлой жизни».

Самоубийство прервало труды Адэра, он только декларировал, но оставил неисследованным то, что далеко не достаточно разъяснено в американской науке, — как отцы-основатели примеряли и находили себе в пору обувь, изношенную героями Плутарха и Тацита, которых все они читали и чтли. На берегах Потомака они пытались возвести новый Рим. Конечно, времен республики. Цезарь и Брут для них были на удивление современны. Как, впрочем, и для Видала, который с полной серьезностью

оповещает, что проследил свою родословную сквозь мрак тысячелетий и вышел к истокам: предки его — легионеры Древнего Рима! Поэтому ему, почти постоянно прописавшему себя на земле обретенных им предков — Риме, было бы уместно поразмыслить над тем, какую роль прецедент прародины самого писателя сыграл при закладке фундамента США. Хотя бы воздать должное атавизму.

Что касается возможностей обогащения истории творческим воображением, то они есть, и это ясно профессиональным историкам. Профессор Артур Шлезингер, с обычным для него снобизмом высказавшийся о «Бэрре» на страницах журнала «Атлантик» (июнь 1974 года), тем не менее признал: «Вдохнув жизнь в исторического деятеля, писатели и драматурги могут ошибиться и едва ли изменят суждения специалистов. Но сила их воображения может побудить историков к новому взгляду... В результате творческое воображение может оплодотворить историческую мысль и послужить расширению и обогащению понимания истории».

«Новый» же взгляд, с которым едва ли согласится Шлезингер, направивший свои изыскания в сторону «имперского президентства», заключается, пожалуй, в том, что для должного понимания политического механизма в США нужно помнить — они возникли 200 лет назад и существуют по сей день как олигархическая республика. Римский прецедент в глазах отцов-основателей, гордившихся своим классическим образованием, был бесконечно ценным, ибо указывал на опасность единоличного правления. Для стабильности американской модели правления совершенно обязательно рассредоточение власти среди олигархии с сопутствующим ему разделением на законодательную, исполнительную и судебную власть, а также на федеральном, штатном и местном уровнях. (Здесь и верность догадки Видала — Бэрра: виргинская «хунта».) Плюс — отсечение противоположных концов спектра политической радуги, центр которой занимает господство денежного мешка, трансформирующего деньги во власть. Центр стоит незыблемо, хотя на периферии спектра бушуют иной раз ожесточенные бои — за или против классической американской «демократии».

Эти, и только эти, сражения в фокусе внимания Видала — от администрации Вашингтона до Джефферсона до «джексоновской демократии». Писатель схватил и отразил внешнюю сторону событий. Его книга — журнал боевых действий на второстепенных театрах. На рубеже XVIII и XIX веков отбивались от покушений справа, а при Джексоне применяли разнообразные средства, включая организацию Таммани-холл, чтобы инкорпорировать популистский протест в рамки укоренившейся системы. Эти бои не могли иметь и не имели решающего исхода, ибо и не были задуманы, чтобы поколебать основу основ заокеанской республики — принцип частной собственности.

Усилия изболчить, например, Джеффер-

сона в смертном грехе авторитаризма, яростная полемика Бэрра против Джефферсона, воскрешенная Видалом, поразит разве не знающих досконально американскую историю — открытый здесь нет. Фактическая сторона, отягощенная куда большими деталями, освещена в книгах, написанных точно на ту же тему, что и роман Видала. «Муки честолюбия. Джефферсон, Гамильтон, Бэрр» Д. Даниелса, вышедшая в 1970 году, — лишь один пример. Повторяю, дело не в пересказе известного, а в интерпретации. Все станет на свои места, если принять в соображение мелкий, но многозначительный штрих: в том же послесловии к роману Видал назвал лишь одну книгу из использованных им, нашел ее «блистательной» и признался в «пристрастии» к ней. Это работа Леонарда У. Леви «Джефферсон и гражданские свободы». Заголовок ее в таком виде мало скажет читателю — тональность книги неясна, — а полностью он выглядит следующим образом: «Джефферсон и гражданские свободы: оборотная сторона медали». Если бы он был воспроизведен полностью, тогда можно было легко понять, что Бэрр в изображении Видала, помимо прочего, обладал качествами провидца, сумев пересказать содержание книги, появившейся через сто с лишним лет после его смерти.

При всем том конфликт Бэрр—Джефферсон, как он выписан Видалом, вызывает жгучий интерес. Вновь звучит рефрен: «так было, так будет», — в устах автора романа он звучит пессимистически. Попытка исполнительной власти узурпировать не принадлежавшие ей прерогативы с Джефферсоном в роли архизлодея, требования верховного судьи Маршалла, чтобы президент представил суду документы, — чем это отличается от требования, обращенного к Никсону в разгар уотергейтского скандала: передать суду магнитофонные записи бесед в Белом доме? А постоянные сетования на рост федеральной бюрократии? Или попытку президента затеять войну с Испанией под благодетельными предлогами «освобождения» ее заокеанских подданных, или «освобождения» — путем покупки — жителей Луизианы? Разве не прямая параллель с необъявленной «президентской» войной во Вьетнаме? Наконец, лицемерие, торжествующее в американском обществе — от Белого дома и Капитолия до дома терпимости с его жизненнолюбивой содержательницей, рассуждающей с постыжным видом о божестве? Коррупция сверху до низу... Вывод напрашивается сам собой — прошлое США ни на волос не лучше настоящего, при всей условности исторических аналогий.

Уколы искрометной прозы Видала, однако, не выходят за рамки «американской политической традиции», четко выделенной в 1948 году основателем теории «согласия» в историографии США Р. Хофштадтером: все политические споры в этой стране не затрагивают священного института частной собственности. Время от времени и в приглушенных тонах об этом свидетельствует и Видал, начиная от упоминания о восстании Даниэля Шейса (1786—1787) и кончая

озабоченностью эгалитарными тенденциями, выявившимися при расширении избирательных прав в период «джексоновской демократии», — именно на этот период падает основное содержание романа. Он указывает и первоначальный момент, когда стали решительно пресекать любые помыслы о «разделе богатств»: французская революция, происходившая по ту сторону Атлантики, смертельно перепугала власть и собственность имущих в США. Но все же «демократия» расширялась, причем начальный и конечный периоды описанного полувека объединяет упадок общественной морали. Безразлично, идет ли речь о революции или будничных временах — тридцатых годах минувшего столетия, связанных в США с именем президента Э. Джексона. В эти годы усилиями профессиональных политиков налаживается Таммани-холл — прообраз современных политических машин в США. А Бэрр стоял у истоков этого процесса еще в начале XIX века! Читатель может сопоставить личную мораль Бэрра с нравами Таммани-холла и найти их тождественными. Если в этом состояла сверхзадача писателя, то, вне всяких сомнений, он выполнил ее.

На многих десятках страниц функционирует американская «демократия», порой физически небезопасная, когда в ход шли увесистые аргументы — камни или дубины. Накал страстей очевиден. А результаты? В разгар «джексоновской демократии» Бэрр, припомнив Гамильтона, наставительно произнес: «Что он теперь бы подумал, когда «быдло», как он называл народ, управляет или мы, по крайней мере, лстым ему тем, делая вид, что он управляет».

Хотя Видал начал писать своего «Бэрра» задолго до Уотергейта, вышла книга тогда, когда скандал в высшем эшелоне власти уже выплеснул на страну лавину грязи. В итоге «Бэрр» и продолжение его, роман «1876 год», естественным образом вошли в обиход американской литературы об Уотергейте, которая примыкает к старой американской традиции «разгребателей грязи». Разоблачения Уотергейта, по большому счету, — лишь очередные раскопки в уже перекопанном месте. Но что достигнуто изобличителем, к которым можно смело причислить Видала?

Златослов профессор Д. Гэлбрейт заметил по поводу усилий «разгребателей грязи» в связи с Уотергейтом: «Они, конечно, преуспели — что-то, правда немного, изменится. По крайней мере, хищники-монополисты на какое-то время будут с большей осторожностью вступать в сделки с членами правительства или чиновниками. Организаторы избирательных кампаний отныне будут руководствоваться, в общем, обыденной мудростью — неприличное поведение в политике хотя, быть может, и не аморально, но неразумно, и деньги будут вручаться и тратиться с большей осмотрительностью».

Что же касается целей самих разоблачи-

Н. Я К О В Л Е В
ГОР ВИДАЛ И ААРОН БЭРР

телей, которые, разумеется, действуют в очерченных им в США рамках, то Гэлбрейт, хорошо овладевший секретами ремесла, сказал: «Люди любят разоблачение коррупции и даже мошенничества на вершине власти. Это дает им осознание конечной справедливости в мире — плуты рано или поздно изловят... Примерно так обстояло дело с Ричардом Никсоном. Наконец, избличенные всегда выглядят глупыми. В результате «разгребания грязи» мы можем смотреть на Джона Митчелла или Джона Эрлихмана и положительно гордиться тем, что мы-то умнее. По этим причинам «разгребатель грязи» получает не только профессиональное уважение своих коллег, но и круглую сумму наличными».

Видал куда как преуспел во всем этом, соорудив подмости, с которых простой смертный может свысока взглянуть на Вашингтона, Адамса, Джефферсона, Мэдисона, Монро и даже на любимого им Джексона, если перечислить только президентов США, не говоря уже о множестве лиц второго положения, особенно американских генералов Войны за независимость. Тенденцию эту он продолжил в романе «1876 год». Вымышленный герой «Бэрра» Ч. Скайлер, теперь 62-летний, является из Европы в США и находит там разгул коррупции и моральной деградации. Направо и налево он бросает замечания типа: «Признаю, что нашим президентам почти нечего делать. Правит конгресс, и именно он в основном ворует... Последние восемь недель кампании по выборам президента самые важные. С точки зрения выснения, кто у кого крад... Американцы всегда жили настоящим. Нынешнее поколение не отличается от моего, за исключением того, что у него больше прошлого для забвения».

...По «Бэрру» данные о гонорах Видала встретить не удалось, но стоило романисту предложить издательствам «1876 год», как «Рэндом хауз» и «Баллантин букс» выплатили ему около миллиона долларов аванса. Клуб «Книга месяца» удвоил для Видала свой обычный гонорар, составляющий 85 тысяч долларов. Вероятно, только начало. Гэлбрейт прав... Но уменьшает ли это объективно разоблачительную силу романа?

И последнее, тесно связанное со всем предыдущим. Писатель очень серьезно и печально сказал в 1975 году, когда перевалил за пятьдесят лет. Дата, приметная в жизни любого человека, заставляющая оглянуться вокруг. В эти дни он побывал в Вашингтоне, городе политической мечты своей молодости! Встретился со многими торопившимися взглянуть на знаменитость. И вот что произошло, по словам Видала: «Моя сестра пригласила встретиться со мной группу молодых демократов — олицетворение лучших на-

дежд новых либералов. Все они выглядели на восемнадцать лет и обращались ко мне «сэр». Я всмотрелся в их юные взволнованные лица и подумал — какие интересные люди, но мысль эта тут же оборвалась: я заметил, что стоило мне заговорить о Генри Адамсе, как они стали с трудом подавлять зевки».

Новое подтверждение того, что Видал с возрастающей с годами четкостью созерцал в Америке. «Свобода и либерализм — аберрации в истории мира...» — высказался он. Не знаю, как нам удастся избежать периода авторитаризма. В Соединенных Штатах он придет в интересах окружающей среды, во имя всех и всяческих благ... Я считаю это неизбежным. Нам нужно встретить это либо смехом, либо сложить руки и забыть».

Один человек едва ли способен на что-либо в подобном сверхорганизованном обществе, скванном научно-техническим прогрессом. А один писатель, что делать ему? Перед нами монолог писателя, обращенный через Атлантику к своей стране. Роман представляет интерес и для нашего читателя уже по той причине, что написанное Видалом расширяет представление как об американской революции, так и спорах, которые ведутся по поводу ее в США вплоть до нашего дня. Нет сомнения, что Видал далеко зашел в пересмотре наследия этой революции. При всей ее неизбежной исторической ограниченности революция 1775—1783 годов «прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии»¹. Она была успешной антиколониальной революцией, в огне которой родилось новое, независимое государство — Соединенные Штаты. Марксисты никогда не отрицали ее прогрессивного значения в этом отношении.

Но у американского писателя Гора Видала и его героя Аарона Бэрра были, очевидно, другие задачи. Вместе с тем надо помнить, что, пользуясь правом романиста, Видал отделил себя от своего героя. Поэтому очевидный нигилизм романа в оценке прошлого собственной страны связан в значительной степени с тем, что повествование ведется в основном от лица Бэрра, точка зрения которого на американскую историю неизбежно отравлена скепсисом политического неудачника. Думается, автор романа отнюдь не стремился к реабилитации осужденного американскими историками Бэрра, пытавшегося «расчленил Соединенные Штаты». Пользуясь красочной биографией Бэрра как уникальным инструментом, Видал сказал читателям, что пороки системы, ставшие очевидными в наши дни, были заложены в исходной точке американской государственности. Факт многозначительный.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 9.